

Княжества «всяя Руси», поиском наиболее благоприятных условий торговли в Прибалтике, напрямую зависели от контактов с важнейшим субъектом международных отношений – Апостольским Престолом.

Библиографические ссылки:

1. Акты, относящиеся к истории Западной России, собранные и изданные Археографической комиссией: в 5 т. – СПб.: Тип. II Отдел. Собственной Е.И.В. Канцелярии, 1846. Т. I: 1340–1506. – 419 с.
2. Базилевич К.В. Внешняя политика Русского государства (вторая половина XV в.). 2-е изд. М.: Территория, 2001. – 544 с.
3. Бочкарев В.Н. Московское государство в XV–XVII вв. по сказаниям современников-иностранцев. СПб.: Кн-во типо-лит «Энергия», 1914. – 144 с.
4. Грыса Т. Дипломатия Святого Престола // Католическая энциклопедия. М., 2002. Т. 1. С. 1650–1652.
5. Казакова Н.А. Русско-ливонские и русско-ганзейские отношения. Конец XIV – начало XVI в. Л.: «Наука», 1975. – 358 с.
6. Пирлинг, П. Россия и папский престол. М.: Современные проблемы, 1912. – 452 с.
7. Продолжение летописи по Воскресенскому списку // Полное собрание русских летописей; отв. ред. А.Ф. Бычков. СПб.: Тип. Э. Праца, 1859. Т. VIII. – 301 с.
8. Скржинская, Е.Ч. Кто были Ралевы, послы Ивана III в Италию (К истории итало-русских связей в XV в. веке) // Проблемы истории международных отношений. Сборник статей памяти Е.В. Тарле / АН СССР, Отд-ние истории, Ленингр. отд. Ин-та истории СССР; редкол.: В.И. Рутенбург (отв. ред.) [и др.]. Л.: Наука, 1972. – С. 267–281.
9. Хорошкевич, А.Л. Символы русской государственности. М.: Изд. Моск. университета, 1993. – 96 с.
10. Шимака, Е.К. Донесения папских нунциев в Польшу XVI в. как источник по внешнеполитической истории России // Працы гістарычнага факультэта БДУ : навук. зб. ; рэдкал.: У.К. Коршук (адк. рэд.) [і інш.]. Мінск, 2008. С. 228–233.
11. Шимака, Е.К. Политическая игра в ходе заключения брака Ивана III и Софьи Палеолог // Гуманітарна-эканамічны веснік. 2007, № 3 (39). С. 107–114.
12. Шымак, А.К. Усходняя Еўропа і дыпламатыя Рымскай курыі (канец XV – пачатак XVI ст.) // Весці Беларус. дзярж. пед. ун-та. Серія 2, Гісторыя. Паліталогія.Сацыялогія. Эканоміка. 2008, № 2. С. 30–34.
13. Acta Tomiciana. Epistole, legationes, responsa, actiones, res gestae... Sigismundi...Primi...per Stanislaum Gorski...collecte et in tomos XXVII digestae: w XVIII t. Posnaniae, 1853. Т. VI: 1522–1523. – 361 s.
14. La Lega Santa del 1538 // Marco, J. Europa i Osmanie w okresie Lig Świątych. Polska między Wschodem a Zachodem. Kraków : Polska Akad. Umiejętności, 2003. S. 119–132.

УДК 930.2 (072)+378.4 (476-25).096:94

ПРЕПОДАВАНИЕ ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЯ И СПЕЦИАЛЬНЫХ ИСТОРИЧЕСКИХ ДИСЦИПЛИН В БЕЛОРУССКОМ ГОСУДАРСТВЕННОМ УНИВЕРСИТЕТЕ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

М.Ф.Шумейко

*Белорусский государственный университет,
пр.Независимости, 4, 220030, г.Минск, Беларусь; jesti@inbox.ru*

Анализируется генезис словообразования «источниковедение», представляющего собой кальку немецкого термина «Quellenkunde» и последующее его использование в качестве названия научной и учебной дисциплин. Отмечается роль первого ректора БГУ В. И. Пичеты и его последователей, прежде всего Д.И. Довгялло, в разработке и преподавании курса источниковедения для студентов социально-исторического отделения педфака университета во второй половине 1920-х гг. С созданием истфака БГУ научная разработка проблем источниковедения не получила развития в отличие от московских университета и историко-архивного института, в которых академиком М.Н. Тихомировым читался соответствующий курс, изданный в 1940 г. в виде первого в СССР учебного пособия «Источниковедение

истории СССР с древнейших времен до конца XVIII в.», дополненного вышедшим в этом же году пособием С.А. Никитина «Источниковедение истории СССР». Возрождение интереса к историческому источниковедению на истфаке БГУ связано с созданием в 1958 г. кафедры истории БССР, и подготовкой А.П. Игнатенко «Введение в изучение истории БССР: Периодизация, источники, историография». С нее началась разработка курса источниковедения истории Беларуси, который Игнатенко читал с конца 1970-х гг. С созданием в 1991 г. на истфаке БГУ одноименной кафедры чтение курса источниковедения приобретает системный характер. Тогда же появляются учебные пособия по истории и теории источниковедения и источниковедению истории Беларуси.

Ключевые слова: источниковедение; специальные исторические дисциплины; БГУ; исторический факультет; кафедра истории БССР; кафедра источниковедения; Ф.Х. Дальман; А.Г. Брикнер; К.Н. Бестужев-Рюмин; В.О. Ключевский; В.И. Пичета; М.Н. Тихомиров; Д.И. Довгялло; А.П. Игнатенко.

TEACHING SOURCE STUDIES AND SPECIAL HISTORICAL DISCIPLINES IN THE BELARUSIAN STATE UNIVERSITY: HISTORY AND MODERNITY

M.F.Shumeika

Belarusian State University, Niezavisimosti Ave., 4, 220030, Minsk, Belarus; jesti@inbox.ru

The article draws attention to the genesis of term "Source Studies", which actually is a literal translation of the German term "Quellenkunde", and its subsequent use as the name of scientific and educational disciplines. Also is noted the role of the first rector of the BSU V. I. Picheta and his followers, especially D. I. Dovgyallo, in the development and teaching of the course "Historical Source Studies" for students of the Socio-Historical Department of the Pedagogical Faculty of the Belarusian State University in the second half of the 1920s. With the creation of the History Faculty in the BSU, the scientific research of historical source studies problems, as well as its teaching to students, did not develop, unlike in the Moscow University and the Institute of History and Archives, in which academician M. N. Tikhomirov taught the corresponding course, published in 1940 as the first in the USSR textbook "Sources of the history of the USSR from ancient times to the end of the XVIII century", supplemented by S. A. Nikitin's book "Sources of the history of the USSR" (part 2), published the same year, covering the period of the XIX century. The revival of interest in historical source studies at the History Faculty of the BSU is associated with the creation of the History of the BSSR Department in 1958, which lecturer A. P. Ignatenko prepared the brochure "Introduction to the studies of the history of the BSSR: Periodisation, Sources, Historiography" published in 1965. Its edition has begun the development of the "Source studies of the history of Belarus" course, which Ignatenko has been teaching since the late 1970s. With the creation of the Historical Source Studies Department at the History Faculty of the BSU in 1991 teaching of the course "Historical Source Studies" gets a permanent character. Then, the first manuals on the history and theory of historical source studies and source studies of the history of Belarus appear.

Keywords: historical source studies; special historical disciplines; BSU; History Faculty; History of the BSSR Department; Historical Source Studies Department; F. C. Dahlmann; A. G. Brikner; K. N. Bestuzhev-Ryumin; V. O. Klyuchevsky; V. I. Picheta; M. N. Tikhomirov; D. I. Dovgyallo; A. P. Ignatenko.

Несколько замечаний о самом словообразовании «источниковедение». Оно, как известно, является калькой немецкого термина «Quellenkunde», что в переводе означает «знание источников» или «знание об источниках». Его первое употребление [Подр. об этом см.:29; 3] встречается в заглавии библиографии источников по немецкой истории 1830 г., составленной Ф. Х. Дальманом: «Quellenkunde der deutschen Geschichte» («Источниковедение немецкой истории»). В качестве названия учебной дисциплины «источниковедение» едва ли не впервые в Восточной Европе появляется в статьях профессора Дерптского (Юрьевского) университета А. Г. Брикнера, напечатанных в 1870-е гг. и посвященных проблеме организации семинарских занятий для студентов российских университетов. Вслед за Брикнером словообразование «источниковедение» начинает использовать и К. Н. Бестужев-Рюмин для обозначения обзора источников. Так, в рецензии на изданную в 1884 г. книгу профессора Санкт Петербургской духовной академии М. О. Кояловича «История русского самосознания по историческим памятникам и научным сочинениям» (ее, на наш взгляд, можно с полным основанием считать первым

учебным пособием по историческому источниковедению¹) он писал, что рецензируемая книга, равно как и его собственное введение к «Русской истории» многие называют «источниковедением» [6, с. 95]. Младший современник Бестужева-Рюмина, сын выдающегося филолога Я. К. Грота–К. Я. Грот, учившийся в 1880-е гг. в готовившем архивистов, библиотекарей и музейных работников Историческом институте при Венском университете отмечал, что студенты, заканчивавшие трехлетний курс обучения, должны были выполнить «домашние письменные работы по предмету, письменные ответы без подготовки по палеографии, дипломатике и источниковедению (Quellenkunde)” [10, с. 89]. Под последним Грот подразумевал не научную дисциплину, а предмет преподавания. Таким образом термин «источниковедение» в России вслед за статьями А. Г. Брикнера стал употребляться, как мы видели, в работах К. Н. Бестужева-Рюмина и К. Я. Грота, бывших соответственно профессором и выпускником Санкт Петербургского университета. Он был воспринят и представителями формирующейся при этом же университете исторической школы С. Ф. Платоновым и А. Е. Пресняковым. Характеризуя данную школу, первый в некрологе К. Н. Бестужева-Рюмина отмечал, что «ее признак–наклонность к исследованию не исторических явлений, а исторических источников» [13, с. 176]. Второй также подчеркивал в качестве характерной черты этой школы «научный реализм, сказывающийся прежде всего в конкретном, непосредственном отношении к источнику и факту, вне зависимости от историографической традиции» [24, с.7].

Усилиями профессора Санкт Петербургского же университета, академика А. С. Лаппо-Данилевского, взявшегося вместе со студентами своего семинария за подготовку «Сборника грамот Коллегии экономии», заняла свое место в источниковедении и историографии дипломатика как специальная историческая дисциплина. Заметим, кстати, что участником семинария (кружка) Лаппо-Данилевского являлся ибудущий заведующий кафедрой экономической географии географического факультета БГУ, профессор М. Н. Смирнов.

Источниковедение развивается не только в северной, но и в древней столице Российской империи. Ярким ее представителем здесь выступает В. О. Ключевский, чья магистерская диссертация «Древнерусские жития святых, как исторический источник» являла собой не только методическое достижение автора, но и образец исследовательской источниковедческой работы. Как известно, В. О. Ключевский придавал важное значение в работе историка знанию источников. На это указывает разработанный им специальный курс, который он читал для студентов историко-филологического факультета Московского университета, начиная с 1888 г. Названный в духе времени «Источники русской истории» (как справедливо указывает готовившая его к изданию уже в наше время Р. А. Киреева, «лекциями по источниковедению подобные курсы стали называться значительно позже»)[15, с. 433]), курс испытал на себе влияние К. Н. Бестужева –Рюмина, который сам, как выше уже отмечалось, в предисловии к «Русской истории» указывал, что «всегда давал в своих университетских чтениях–из которых постепенно сложилась эта книга–много места оценке источников и пособий и критическому изложению высказываемых в науке взглядов»[5, с.1].

Важно также отметить, что источниковедение со специальными историческими дисциплинами призвано было не только способствовать повышению уровня подготовки кадров историков-исследователей, чем преимущественно занимались историко-филологические факультеты университетов, но и нацеливалось на подготовку хранителей исторических источников. Показательной в этом смысле является деятельность открытых в 1877 г. Петербургского и в 1907 г. Московского (с его Витебским, Смоленским и др. региональными отделениями) археологических институтов, для слушателей которых, готовивших себя для работы в архивах, музеях, библиотеках, преподавались нумизматика, сфрагистика, архивоведение, греческая и

¹ В равной мере эта работа может быть отнесена и к сфере историографии, что, кстати говоря, и делает Н. Л. Рубинштейн, который пишет: «Первым опытом курса русской историографии следует скорее признать книгу М. Кояловича «История русского самосознания» [26, с. 16]

славянская палеография, дипломатика, метрология, хронология, геральдика, генеалогия и др. специальные исторические дисциплины. Традиции археологических институтов были продолжены открытым в 1930 г. Московским государственным историко-архивным институтом, который до разгрома в 1940 г. возглавляемой А. Н. Сперанским, а затем учеником А. С. Лаппо-Данилевского – А. И. Андреевым – кафедры вспомогательных исторических дисциплин, занимал лидирующее положение в преподавании в вузах источниковедения и специальных исторических дисциплин¹. После изгнания з МГИАИ А. И. Андреева и Л. В. Черепнина академик М. Н. Тихомиров, бывший к этому времени уже автором изданного в 1940 г. учебника по источниковедению (в его основе лежал курс источниковедения, который ученый читал в Историко-архивном институте) и руководителем комиссии по источниковедению и историографии при кафедре истории СССР Московского университета, поставил вопрос об открытии кафедры источниковедения на историческом факультете МГУ. И в 1953 г. кафедра под его руководством была создана[8].

Мы говорим обо всем этом лишь для того, чтобы очертить контекст, в котором историческое источниковедение со специальными историческими дисциплинами развивалось в XX веке, в том числе и в открытом в 1921 году БГУ. Большая заслуга в этом, вне всякого сомнения, принадлежала его ректору В. И. Пичете, бывшему одновременно профессором Московского университета и ответственным работником Централхива РСФСР.

Для подтверждения этого обратимся далее к увидевшей свет в 1923 г. в московском кооперативном издательстве научных работников его книге «Введение в русскую историю (источники и историография)». В изданном к 100-летию со дня рождения ученого библиографическом указателе [7, с. 37, 39] книга фигурирует как дважды выпускавшаяся – в 1922 г. Госиздатом и в 1923 г. – вышеуказанным кооперативным издательством. Издания, судя по библиографическому их описанию, идентичны, и поскольку в нашем распоряжении имелся «кооперативный экземпляр» с дарственной надписью автора своему архивному начальнику, зам. Централхива РСФСР В. В. Адоратскому, далее будем ссылаться на него. Больше того, есть основание предполагать, что было лишь только это издание, на что указывают рецензия на него, помещенная во 2-м номере за 1923 г. авторитетного берлинского библиографического журнала «Новая русская книга» (издатель проф. А. С. Яценко, рецензент подписался криптонимом Z [25, с.29]), рецензия А. А. Кизеветтера в 3-й книге журнала «На чужой стороне» за 1923 год и, наконец, ссылка академика М. В. Нечкиной в ее фундаментальной монографии о В. О. Ключевском[19, с. 32]. Впрочем, в упоминавшемся выше современном учебном пособии по источниковедению авторы указывают издание «Введения» 1922 г.[14].

Не ставя своей задачей подвергнуть всестороннему анализу данную работу Пичеты (это сделали вышеуказанные авторитетные рецензенты), зададимся, тем не менее вопросом, чем была вызвана подготовка книги, целью которой, по мнению ее автора, являлось «служить «введением в русскую историю» тем из читателей [выделено мною – М.Ш.], которые пожелали бы иметь небольшое руководство для первоначальной ориентировки как в вопросах источниковедения, так и историографии и русской истории с тем, чтобы после первоначального, и притом довольно краткого, знакомства с вышеназванными вопросами приступить к более глубокому и детальному изучению интересующих их проблем»[22, с. 3]. Для того, чтобы ответить на него, следует выяснить, откуда у Пичеты возник интерес к источниковедению, кто был его «источниковедческим наставником». На наш взгляд, он проявился у будущего выдающегося ученого-слависта еще в студенческие годы, во многом благодаря работе в семинаре приват-доцента Московского университета, впоследствии академика М. М. Богословского (1867–1929), о чем Пичета незадолго до своей смерти напишет его вдове: «На 69-м году жизни я переносюсь мысленно в

¹ На то, что в советское время источниковедение могло развиваться преимущественно во взаимосвязи с архивным делом, обращают внимание и современные российские авторы учебного пособия по источниковедению (См.: [14, с.7]).

ту маленькую аудиторию, где М.М. [Богословский] учил нас мыслить и показывал своими лекциями, как надо работать»[21, с.195]. Заметим, кстати, что об этом же говорил и автор выше упоминавшегося учебника по источниковедению академик М. Н. Тихомиров, который, так же как и Пичета (хотя и значительно позже), учился у Богословского и к которому В.И. Пичета относился с особой теплотой [39, с.347]. Вспоминая о годах обучения в семинаре М.М. Богословского, Михаил Николаевич писал: «Вероятно тогда-то и зародился у меня тот повышенный интерес к источниковедению, который я проявлял всю жизнь» [28; 39, с. 350].

Возвращаясь к пичетовскому «Введению в русскую историю»¹, попытаемся ответить и на другой, не менее важный вопрос, а именно – о его целевом назначении. Каких читателей, желавших, по словам Пичеты, иметь небольшое руководство, подразумевал он прежде всего? Коллег ли по историческому цеху, студентов, с которыми работал как профессор историко-филологического факультета Московского университета и профессор кафедры русской истории факультета общественных наук возглавляемого им БГУ или практиков-архивистов, служивших в архивных учреждениях России и ожидавших от научно-теоретического отдела Центрархива, которым он заведовал, методического обеспечения? Полагаем, что под кругом читателей – потенциальных пользователей «Введением», Пичета подразумевал все выше названные категории. Вместе с тем заметен в его работе, на наш взгляд, все-таки определенный дидактический акцент. Такой вывод напрашивается не только ввиду характерной для учебных пособий лапидарности изложения материала, отсутствия научно-справочного аппарата, и в то же время наличия терминов и определений (в частности, исторического источника, их видов, классификации, структуры источниковедческой критики и т.п.), но и по причине последующих действий автора книги. Мы имеем в виду его более чем негативную реакцию на последовавшее в июне 1928 г. по инициативе возглавлявшего партийную ячейку университета его заместителя С. З. Слонима снятие читавшегося Д. И. Довгялло на социально- историческом отделении педфака БГУ в 1925-27 гг. специального курса о «белорусских исторических источниках», который во многом опирался на пичетовское «Введение в русскую историю», а также работу ученого во время его нахождения в Ленинградском доме предварительного заключения (ноябрь–декабрь 1930 г.) над являвшейся продолжением книги 1923 года статьей «Введение в историю Белоруссии. Источники белорусской истории и историография», носившей ярко выраженный дидактический характер [2].

В связи с последним обстоятельством не может не вызвать сомнения достоверность утверждений авторов современного учебного пособия по истории и теории источниковедения, которые пишут: «Как представитель классической исторической школы первый ректор БГУ В.И. Пичета придавал большое значение работе исследователя с источниками. Им был подготовлен и прочитан курс для студентов БГУ под традиционным названием «Введение в изучение истории БССР». Суть данного учебного курса состояла в кратком, но довольно основательном знакомстве будущих профессионалов-историков с началами историографии и источниковедения, классификацией и характеристикой основных групп источников. Несмотря на вводный характер, он оказал большое влияние на дальнейшее развитие источниковедческих поисков в БГУ» [35, с.85]². Будучи неплохо знакомым с составом документов архивного фонда БГУ в НАРБ, автор настоящей статьи не смог обнаружить в них сведений, подтверждающих данную информацию. С другой стороны, и такой прекрасный знаток источниковедения и археологии Беларуси как

1 Обратим внимание на то обстоятельство, что ко времени появления книги В. И. Пичеты уже существовали издания со схожими названиями, напр.: Козловский И. П. Введение в русскую историю. Варшава, 1913. (Подр. об этом см.: [4]).

2 В первом издании данного пособия (а именно таковым мы будем его считать, несмотря на изменения названия – «Теория и история источниковедения» – и последовательности расположения авторов с соблюдением алфавитного принципа) этот подраздел отсутствовал; см.: [9, с.71-72]. Кто был его автором в пособии 2008 г., неизвестно, ибо в отличие от первого издания, в котором сведения об авторах разделов указаны, во втором такая информация отсутствует.

Н.Н. Улащик также ни словом не обмолвился о якобы читаемом В.И. Пичетой курсе источниковедения. Несколько слов о курсе источниковедения истории Беларуси, разработанном и читаемом Д.И. Довгялло, учитывая, что подробный разбор его структуры и содержания дан автором настоящей статьи в специальной работе, посвященной белорусскому архивисту и археографу [40, с. 92-99].

Машинописный экземпляр конспекта довгялловского курса сохранился благодаря Н.Н. Улащику, в 1925–1929 гг. бывшему студентом социально-исторического отделения педагогического факультета БГУ. Как отмечал он в одном из примечаний, сделанных в предисловии к изданной в 1973 г. монографии об археографии и источниковедении истории Беларуси: «Рукопись курса Довгялло, которая имеется у меня и которую мне подарил покойный директор Белорусской государственной библиотеки И. Б. Симановский, не имеет титульного листа¹, и текст ее не правлен после напечатания. В ней такое число опечаток, что правильно прочитать может лишь тот, кому знакомы как упоминаемые в курсе фамилии, так и географические названия (например, на с.7 вместо «Палікарповіч» – известный белорусский археолог – напечатано «Налінарскіч»). Поскольку этот курс печатался по записям студентов и записей, очевидно, было несколько, то можно думать, что отдельные «издания» его весьма значительно разнятся друг от друга. Судя по тексту, запись моего экземпляра была сделана в 1926/27 учебном году» [33, с. 128; 30, с. 539-540].

Оценивая курс как «довольно примитивный» (и с этим трудно не согласиться!), отдельные разделы которого, в частности, касавшиеся археологических источников, совершенно устарели, Н.Н. Улащик вместе с тем отмечал, что «другие же, в особенности разделы о Литовской метрике, представляют некоторый интерес и в наше время» [30, с. 137]². Значение курса Довгялло, по мнению Улащика, заключалось в том, что в нем впервые в систематическом виде излагался материал, который ранее никем не был оформлен. В отличие от недостаточно ориентированной в целевом отношении книги Пичеты, о чем шла речь выше, курс Довгялло предназначался учащейся молодежи и ставил своей задачей дать студентам БГУ – будущим историкам – хотя бы самое общее представление об источниках как основе любого исторического исследования.

Довгялло вслед за Пичетой делил все источники на три группы: «а) матэрыяльныя; б) вусная народная творчасць і в) пісьмовыя» (у Пичеты: «источники делятся на три вида: на вещественные, устные и письменные»). Так же, как и Пичета, предлагавший самое общее определение исторического источника («все те материалы, которые остались от прошлой жизни и в которых отражается какой-либо след старины»), Довгялло не давал четкого определения источника, заменяя его обозначенным во второй лекции, как мы уже отмечали в примечании, «сціслым адзначэннем паняцця «Беларускія гістарычныя крыніцы», якія захаваліся ад мінуўшай Беларусі і высвятляюць побыт, грамадскае і палітычнае жыццё ў розных эпохах, пачынаючы ад дагісторыі» [16, с. 1]. Как можно предположить из этой же лекции, Довгялло, как и Пичета, не склонен был считать источниковедение научной дисциплиной, полагая, что каждый вид источников требует особого метода изучения. Последний же, по его мнению, заимствуется из наук, являющихся вспомогательными

¹ Косвенно можно предположить, исходя из употребляемого Довгялло во второй лекции курса завыченного словосочетания, что он называл его «Беларускія гістарычныя крыніцы». Правда, предметная комиссия факультета 14 сентября 1926 г. утвердила его под названием «Крыніцы і крыніцазнаўства Беларусі». (Архив автора статьи. Ксерокопия с маш. копии конспекта курса, заверенная душеприказчиками Н.Н. Улащика—его сыном А.Н. Улащиком и А.К. Кавко. На обороте последней, 37-й страницы текста, рукой А.К. Кавко после указания московского адреса и телефона А.Н. Улащика написано: «З асабістага архіва Мікалая Мікалаевіча, які захоўваецца у яго сына А.М. Улашчыка. Гэта канспект лекцый па крыніцазнаўству гісторыі Беларусі, які чытаў Даўгяла Зм. на гісторыка-педагагічным факультэце БДУ ў сярэдзіне 20-х гг. і якія праслухаў тагдашні студэнт Мікалай Улашчык»).

² Эти разделы представляли собой точное воспроизведение текста доклада Д. И. Довгялло «Літоўская Мэтрыка і яе каштоўнасць для вывучэння мінуўшчыны Беларусі», с которым он выступал на Первом съезде белорусских археологов и археографов и который был напечатан в трудах последнего: [23, с. 53-59].

по отношению к истории. К ним он относил археологию, древности, этнографию и историю устного народного творчества. Что касается изучения письменных источников, то вспомогательными для них науками он считал палеографию, дипломатику, хронологию, историческую географию, нумизматику, генеалогию. Все они, по его мнению, “даюць неабходныя веды як для фармальнай крытыкі (папера, дата, аўтар дакумента, суб’ектыўнасць і г.д.), таксама і для унутранай крытыкі (склад дакумента, яго змест і інш.)” [16, с. 2].

Заметим, что кроме чтения курса источниковедения, Д.И. Довгялло предлагал студентам темы дипломных работ, которые носили преимущественно источниковедческий же характер. Известно, например, что в 1926/27 учебном году под его руководством написаны дипломные сочинения студентов-заочников И. К. Гембицкого “Валочная памера Бабруйскага староства ў XVII ст.” (опубликована в форме статьи под таким же названием в журнале “Наш край”. 1926. № 12 (15). С. 10 – 22), М.М. Цэхановича “Баркалабаўскі летапіс (яго практычнае значэнне і мейсца ў шэрагу беларускіх летапісаў)”.

К сожалению, работа Довгялло в университете продолжалась недолго: в 1928/29 учебном году курс источниковедения был объединен с общим курсом отечественной истории, который вел В.Д. Дружниц, т.е. фактически ликвидирован. Попытки В.И. Пичеты отстоять курс и его разработчика не увенчались успехом.

Для того, чтобы понять причины отстранения Д.И. Довгялло от преподавательской деятельности в БГУ, следует обратиться к анализу общественно-политической ситуации, существовавшей в республике во второй половине 1920-х гг. Она, как известно, характеризовалась одним словом – “белорусизация”. Партийные власти Беларуси держали под неусыпным контролем отношение интеллигенции к ее реализации.

Секретным постановлением бюро ЦК КП(б)Б от 16 января 1926 г. была создана т.наз. “комиссия по интеллигенции” под руководством председателя ЦК КП(б)Б и наркома РКИ БССР В. А. Радус-Зеньковича. В ее состав были включены также члены и кандидаты в члены ЦК КП(б)Б С. М. Гессен, В. М. Игнатовский, И. А. Адамович, И. К. Опанский, Р. А. Пилляр, М. С. Куделько-Чарот, А. Г. Червяков и др.

Комиссии поручалось “дать анализ состоянию в рядах всех слоев интеллигенции–белорусской, польской, еврейской, русской”, определить “настоящее положение беспартийной интеллигенции в советской и другой работе, наметить меры по более целесообразному распределению”. После года работы, 24 декабря 1926 г. комиссия как выполнившая возлагавшуюся на нее задачу была ликвидирована.

В ее материалах в числе различных документов встречаются характеристики работников научных учреждений, вузов, техникумов, просветительских организаций. Так, работавшие в БГУ профессор Д.А. Жаринов и доцент И.И. Красковский характеризовались как “великодержавный национал-демократ” – первый, и “белорусский национал-демократический уклонист” – второй, а против фамилии Д.И. Довгялло стояла запись: “политически сомнителен”.

Очевидно, эта характеристика и сыграла негативную роль в судьбе Довгялло равно как и разработанного им курса источниковедения.

Как выше уже отмечалось, узнав в июне 1928 г. о намеченных без его ведома изменениях в структуре курсов БГУ и кадровых перестановках, В. И. Пичета сразу же обратился с пространном письмом в Наркомпрос республики. В нем он решительно возражал против многих, планировавшихся С. З. Слономом, реорганизаций. Особенно В.И. Пичета отстаивал курс источниковедения, апеллируя при этом к недавно принятым органами государственной власти и государственного управления республики постановлениям в области архивного дела (не подлежит сомнению, что он имел в виду утвержденные 28 мая 1927 г. положения о Едином государственном архивном фонде БССР, 8 декабря 1927 г. – о Центральном архивном управлении БССР и его органах, обязывавшие архивные органы и учреждения активизировать разработку, систематизацию, описание и хранение архивных материалов) [1, с.40-45]. Он, в частности, писал: “Кожны студэнт, які скончыў Пэдфак, павінен ведаць крыніцы і крыніцазнаўства Беларусі. Кожнаму студэнту з гэтымі пытаннямі трэба

сустракацца ў часы сваёй працы, і было б вельмі дзіўна, каб студэнты вывучалі гісторыю культуры сваёй краіны і ў той жа час ня ведалі б, на падставе якіх крыніц матар'ялаў можна склацаць гісторыю народу, і якім тэмпам, у якім напрамку ішло вывучэнне Беларусі. Гэта асабліва важна падкрэсьліць, калі параўняць вывучэнне Беларусі ў часы царскага Ураду і у часы Кастрычнікавай рэвалюцыі. Скасаваньне гэтага курсу толькі сьведчыць аб тым, што тут маецца незнаёмства з самаю сутнасцю курсу і яго мэтодалёгічнага і практычнага значэння. Калі у сучасны момант дзяржаўны Урад выдае розныя законы адносна архіўнай справы і студэнтам у сваёй практычнай працы прыходзіцца сустракацца з гэтымі пытаннямі, то, мне здаецца, яны амаль што ня могуць быць добрымі працаўнікамі, калі яны па гэтаму пытанняню ня будуць мець элементарных ведаў" [20, с. 278-279].

Характэрызуя разработчыка курса істочніковедення, Пичета адзначаў: "Даўгяла зьяўляецца выдатным спецыялістам, які шмат працаваў у галіне беларусазнаўства і які зьяўляецца згодна сваім навуковым ведам аздобаю Ун-ту, і аслабаненне яго ад заняткаў было б вельмі шкодным. То, што яму інкрымінуецца, мне здаецца, ня мае за сабою ніякай падставы. На працягу 4 год працы ва Ун-це, а яшчэ раней Даўгяла працаваў у Магілёўскім пэдагэгікуму і з 1918 году, па прызначэнню Цэнтрархіву, працаваў у Магілёве, сьведчыць аб тым, што тое, што інкрымінуецца т.Даўгяла, ня мае за сабою падставы. У 1918 годзе, калі я быў галоўным інспэктарам Цэнтрархіву РСФСР, Даўгяла быў прызначаны як старшыня Магілёўскага архіву і да прызначэння яго мы запрашвалі спраўкі ў адпаведных органах, якія ніякіх адмоўных водзваў аб т. Даўгяла ня далі. Выключэнне Даўгяла без усялякіх мотываў з складу працаўнікоў Ун-ту толькі з тае прычыны, што згодна праекту т. Слоніма той курс, які ён выкладаў, павінен быць скасаваны, будзе няправільна і вельмі небяспечна для навуковых працаўнікоў" [20, с. 282-283].

І тем не менне, Д. И. Довгялло был отлучен от университета; в октябре 1929 г. освободили от должности ректора и его покровителя, вскоре арестованного органами ГПУ и после 13-месячного пребывания в Ленинградском ДПЗ высланного на пять лет в Вятку, а оттуда переведенного в Воронеж. На этом завершился первый, связанный с В. И. Пичетой и его последователями в лице прежде всего Д. И. Довгялло, этап преподавания источниковедения в БГУ.

С созданием в 1934 г. в БГУ исторического факультета вопросов преподавания для его студентов курса источниковедения со специальными историческими дисциплинами, в отличие от московских университета и историко-архивного института, о чем шла речь выше, не возникало. Между тем изменения общественно-политической ситуации в стране, начавшиеся после смерти И. Сталина и особенно после XX съезда КПСС (1956 г.), требовали радикальной перестройки в исторической науке, включая перестройку преподавания исторических дисциплин в вузах. Снятие ранее существовавших запретов на доступ ко многим документальным комплексам, хранившимся в государственных и особенно партийных архивах, требовало пересмотра сложившегося в условиях культа личности Сталина отношения к источникам, созданным партийными органами, организациями и учреждениями. Последние, как известно, считались каноном, не подлежащим никакому критическому анализу. Такого рода выступления можно было слышать еще в 1957 г., в частности, на совещании по источниковедению, состоявшемся в Московском историко-архивном институте. Тем не менее вопрос об источниковедении истории КПСС был поставлен И. С. Смирновым в статье "Об источниковедении истории КПСС", опубликованной в 4-м номере журнала "Вопросы истории" за 1956 год. Через два года группа преподавателей МГУ выступила с дискуссионной статьей "О предмете источниковедения истории КПСС" [11, с. 89-100]. В 1961 г. эта же группа подготовила курс лекций, носивший характер обзора источников по истории КПСС [12], вызвавший дискуссию среди историков.

Позитивное значение в деле развития источниковедения и специальных исторических дисциплин сыграло состоявшееся в декабре 1962 г. в Москве Всесоюзное совещание историков, в работе которого приняли участие и представители истфака БГУ. На совещании было отмечено важное значение развития

вспомогательных исторических дисциплин и прежде всего источниковедения. Многие его участники указывали на необходимость широкой публикации исследований, посвященных проблемам источниковедения, введения его преподавания в программу исторических факультетов университетов.

Таким образом, начиная с 1960-х гг. источниковедение в СССР переживает процесс возрождения. На это обратил внимание ученик академика М. Н. Тихомирова, С. О. Шмидт (1922–2013), сравнивая предисловия к изданию курса источниковедения своего учителя, увидевшего свет в 1940 г. и к изданию 1962 г. “Первое издание курса источниковедения, -- писал Шмидт, -- предваряют слова о том, что “особого курса источниковедения в высших учебных заведениях не преподавалось, учебников источниковедения не существовало, задача создания учебника “впервые поставлена” и “настоящий учебник является первым опытом ее решения”. Предисловие же к изданию 1962 г. начинается словами совсем иного смысла и звучания: “Источниковедение СССР давно уже заняло видное место в преподавании исторических предметов, как дисциплина, формирующая научную подготовку историков. Источниковедение в одинаковой мере необходимо и для научных работников, и для преподавателей высшей и средней школы, и для более широкого круга читателей, так как оно неизбежно связано с изучением всего комплекса того материала, на котором зиждется наше представление о прошлом” [37, с. 216]. Заметим, кстати, что об этом же С. О. Шмидт напомнил и во вступительной статье “Начало доброй традиции”, открывавшей первый номер начавшего выходить в 2002 г. на истфаке БГУ сборника статей об источниковедении и специальных исторических дисциплинах [38, с. 3-4].

С учетом всех этих реалий на историческом факультете БГУ начинается соответствующая работа, во многом инициированная руководителем созданной в 1958 г. кафедры истории БССР, возглавляемой Л. С. Абецдарским. К ней подключился защитивший в 1963 г. кандидатскую диссертацию преподаватель кафедры А. П. Игнатенко (1932–1998). В 1965 г. вышла в свет подготовленная им брошюра в 2, 6 печ. листа под названием «Введение в историю БССР: Периодизация, источники, историография», носившая на себе явное влияние пичетовского «Введения в русскую историю» и довгяллового курса. Как писал тот же Н. Н. Улащик, “Источниковедению в книге Игнатенко отведено 18 страниц (8–26), т.е. меньше, чем у Довгялло, но так как у Игнатенко вопросы источниковедения рассматриваются за три эпохи–феодализма, капитализма и социализма, а у Довгялло почти исключительно феодализма, то феодальный период освещен у Довгялло более основательно. Впрочем, поскольку текст, касающийся эпохи социализма, у Игнатенко занимает три страницы, то включение этого параграфа имеет характер чисто формальный” [30, с. 138].

В отличие от Москвы и Киева, где в 1960–1980-е гг. появились десятки монографий, сборников статей и учебных пособий по источниковедению (М. А. Варшавчика, И. Д. Ковальченко, Б. Г. Литвака, О. М. Медушевской, Н. И. Приймак, В. И. Стрельского, М. Н. Черноморского, С. О. Шмидта и др.), в Минске такой активности не наблюдалось¹. Это было характерно как для истфака БГУ, так и для Института истории АН БССР. Более того, созданный в последнем в декабре 1968 г. по инициативе возглавлявшей Институт члена-кор. АН БССР Н. В. Каменской сектор источниковедения и вспомогательных исторических дисциплин, который возглавил известный медиевист, д.и.н. З. Ю. Копыцкий, не просуществовав и года, был упразднен новым директором Института членом-кор. АН БССР И. М. Игнатенко с использованием «научных сотрудников сектора для разработки наиболее актуальных вопросов истории белорусского народа» [36, л.18]. Единственной работой

¹ Здесь мы не рассматриваем деятельность Н. Н. Улащика, которая велась вне Беларуси, но внесла огромный вклад в развитие белорусской археологии и источниковедения. Признанием заслуг ученого в этой сфере могут служить две научные конференции, проведенные на истфаке БГУ и приуроченные к его 90-летию и 100-летию со дня рождения, подготовка библиографического указателя о нем, издание ранее не публиковавшихся его работ и др. (См.: [17, 18, 30, 31, 32, 34 и др.]).

источниковедческого характера стала увидевшая свет в 1978 г. небольшая монография выше упоминавшегося З.Ю.Копысского “Источниковедение аграрной истории”, подготовленная под научной редакцией ставшего к этому времени доктором исторических наук А. П. Игнатенко. Последним с этого же года начал читаться по поручению Л. С. Абецдарского спецкурс по источниковедению истории Беларуси, который, как утверждают авторы современного учебного пособия по источниковедению, “в значительной степени являлся фактографическим, но он давал студентам знание источников по отечественной истории” [35, с. 88]. Имеющийся в нашем распоряжении черновой вариант конспекта этого курса, любезно предоставленный С. Н. Ходиным, полностью подтверждает данную оценку[27].

Не имела успеха и не вылилась в какие-либо формы ведущаяся с середины 1980-х гг. по линии общеуниверситетской кафедры истории КПСС гуманитарных факультетов БГУ деятельность, связанная с преподаванием курса “Источниковедение истории КПСС”, который читался для студентов отделения истории КПСС исторического факультета университета. В его основу разработчик курса – автор настоящей статьи – положил уже имевшиеся к этому времени учебные пособия по источниковедению истории КПСС, в частности, М. А. Варшавчика и др., дополненные пособиями М. Н. Черноморского и др., а также статьями из сборников “Источниковедение истории советского общества”, “Вопросы источниковедения”, журналов “Вопросы истории КПСС”, “Коммунист”, “Коммунист Белоруссии” и др.

С созданием в 1991 г. кафедры источниковедения и музееведения (с 2001 г. – кафедра источниковедения) преподавание источниковедения на историческом факультете приобретает системный характер и обретает конкретные дидактические формы. Они представляют собой изданные в 1999 г. авторское учебное пособие С. Н. Ходина “Крыніцы гісторыі Беларусі (гісторыка-генетычнае і кампаратыўнае вывучэнне)”, в 2000 г. – выше упоминавшиеся коллективное пособие для студентов гуманитарных факультетов “Теория и история источниковедения”, в 2008 г. – учебное пособие этих же авторов “История и теория источниковедения” и др.

Их анализ, характеристика роли, которую они играют в деле осмысления исторического прошлого страны, определение их места в отечественной историографии – дело будущих исследователей.

Библиографические ссылки:

1. Архивное дело в БССР (1918–1968): Сборник законодательных и руководящих документов. Минск: Издат-во “Польмя”, 1972.
2. Архив РАН. Ф. 1548 (В. И. Пичета). Оп. 1. Д. 77. Л. 1–42.
3. Бачинин А. Н. Еще о раннем бытовании термина «источниковедение» в России // Археографический ежегодник (далее АЕ) за 2005 год. М.: Наука, 2007. С. 279–280.
4. Бачинин А. Н. Неизданный курс лекций по источниковедению русской истории И. П. Козловского // АЕ за 2007–2008 гг. М.: Наука, 2012. С. 181–197.
5. Бестужев-Рюмин К.Н. Русская история. Т.1. СПб., 1872.
6. Бестужев-Рюмин К.Н. Рец. на кн.: История русского самосознания по историческим памятникам и научным сочинениям/Соч. проф. Санкт-Петербургской дух. академии М. О. Кояловича. СПб., 1884 // Журнал Министерства народного просвещения (далее ЖМНП). 1885. Ч. 237. № 1.
7. Владимир Иванович Пичета. Библиографический указ. [Сост. Е. Я. Дукор]. Минск: Изд. БГУ, 1978.
8. Голиков А.Г. Кафедре источниковедения отечественной истории истфака МГУ–50 лет// АЕ за 2003 год. М., Наука, 2004. С. 12–18.
9. Грицкевич В. П., Каун С. Б., Ходин С.Н. Теория и история источниковедения. Пособие для студентов гуманитарных факультетов. Минск, 2000.
10. Грот К.Я. Исторический институт при Венском университете // ЖМНП. 1884. Ч.232. № 4. Отд. 2.
11. Ждановская З. В., Маслова А. Г., Широков А. И., Шпынов А. Г. О предмете источниковедения истории КПСС // Вопросы истории КПСС. 1958. № 2.

12. Ждановская З. В., Жибарев П. Б., Маслова А. Г., Широков А. И., Шпынов А. Г. Обзор источников истории КПСС. Курс лекций. М., 1961.–560 с.
13. ЖМНП. 1897. Ч.309.№ 2.
14. Источниковедение: Теория. История. Метод. Источники российской истории: Учебное пособие/И. Н. Данилевский, В. В. Кабанов, О. М. Медушевская, М. Ф. Румянцева. М.: РГГУ, 1998.
15. Киреева Р.А. Послесловие // В кн.: Ключевский В.О. Сочинения. В 9 т. Т.УП. Специальные курсы (продолжение)/Под ред. В. Л. Янина; Послесл. и коммент. составили Р. А. Киреева, В. А. Александров и В. Г. Зимина. М.: Мысль, 1989.
16. Конспект курса Д. И. Довгялло// Архив автора статьи.
17. Крыніцазнаўства, археаграфія, архівазнаўства ў XX–XXI ст. у Беларусі: зб. навук. артыкулаў, прысвечаных 100-годдзю з дня нараджэння М. М. Улашчыка. Мінск: БДУ, 2008.
18. Мікалай Мікалаевіч Улашчык: біябібліягр. паказ. –2-е выд., перепрац. і дап. –Мінск: НАРБ, 2006.
19. Нечкина М. В. Василий Осипович Ключевский. История жизни и творчества. М.: Наука, 1974.
20. Памяць і слава: Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт. 1921–1941. Мінск: БДУ, 2006.
21. Памяць і слава: Першы рэктар Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта–Уладзімір Іванавіч Пічэта.–Мінск: БДУ, 2011.
22. Пичета В.И. Введение в русскую историю (Источники и историография). М.: Кооперат. издат-во научных работников, 1923.
23. Працы Першага зьезду дасьледчыкаў беларускае архэалёгіі і архэаграфіі. 17–18 студзеня 1926 году. Менск, 1926.
24. Пресняков А. Е. Речь перед защитой диссертации под заглавием «Образование Великорусского государства» // Летопись занятий Археографической комиссии Пг., 1920. Вып. 13.
25. Рец. на кн. В. И. Пичеты «Введение в русскую историю». М., 1923 (206 с.)// Новая русская книга (Берлин). 1923. № 2.
26. Рубинштейн Н.Л. Русская историография. М., 1941.
27. Текущий архив кафедры источниковедения истфака БГУ.
28. Тихомиров М.Н. Дорога в историческую науку // Московский университет. 1955. 7 мая.
29. Топычканов А.В. К истории раннего бытования слова «источниковедение» в России// АЕ за 2003 год. М.: Наука, 2004. С. 149–154.
30. Улашчык М. Выбранае. Мн.: «Беларускі кнігазбор», 2001.
31. Улашчык М. М. Збор твораў: у 3-тамах. Том. 1: Працы па археаграфіі і крыніцазнаўству.–Смаленск: Інбелкульт, 2017; Том. 2.
32. М. М. Улашчык і праблемы беларускай гістарыяграфіі, крыніцазнаўства і археаграфіі (да 90-х угодкаў вучонага) (Матэрыялы навуковай канферэнцыі, Мінск, 14-15 лютага 1996 г.) Мінск, 1997.
33. Улащик Н.Н. Очерки по археографии и источниковедению истории Белоруссии феодального периода. М., 1973.
34. Улашчык М. Працы па археаграфіі і крыніцазнаўству гісторыі Беларусі: 3 рукапісн. спадчыны.–Мінск: БелНДДАС, 1999.
35. Ходин С. Н., Грицкевич В. П., Каун С. Б. История и теория источниковедения. Минск: Издат. центр БГУ, 2008.
36. Центральный научный архив НАНБ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 2677.
37. Шмидт С. О. К столетию со дня рождения М. Н. Тихомирова // В кн.: Шмидт С.О. Московский историк Михаил Николаевич Тихомиров. Тихомировские традиции. М.: Языки славянских культур, 2012.
38. Шмидт С.О. Начало доброй традиции// Крыніцазнаўства і спецыяльныя гістарычныя дысцыпліны. Вып. 1. Минск: БДУ, 2002. С. 3–4.
39. Шмидт С.О. Памяти учителя: материалы к научной биографии М. Н. Тихомирова // В кн.: Шмидт С.О. Путь историка: Избранные труды по источниковедению и историографии. М.: РГГУ, 1997.
40. Шумейко М.Ф. Архивист и археограф Дмитрий Иванович Довгялло. Минск: БелНИИДАД, 2002.